

ИЗ ПЕРЕПИСКИ

А. М. ГОРЬКОГО И О. Д. ФОРШ

А. М. ГОРЬКИЙ — О. Д. ФОРШ

5 сентября 1926. Сорренто

<...> Вы знакомы с «Философией общего дела» Н. Ф. Федорова? Как будто — да? Сейчас, в Харбине, издают 3-й том его статей¹. <...>

О. Д. ФОРШ — А. М. ГОРЬКОМУ

20 сентября 1926. Москва

<...> Я счастлива, что вы причисляете меня к зачинателям *новой* исторического романа². В этом полагаю свое настоящее *дело*. Думаю, что в «Одеты камнем» кое-что угадано верно. Во всяком случае, думаю, правильнее укрепившись на *сегодня*, взорвать все пограничные столбы, проставленные временем, так, чтобы в *сегодня* проступило вчера. Живое все ведь забирается и живет. И хоть мы только сейчас, но века — в нас (а не сами по себе, как полагалось раньше).

Впрочем, об этом в двух словах не скажешь, как и о Федорове, о котором удивительно, что вы помянули. Как раз читаю его том II (других не знаю). Есть вещи неприемлемые, но зато есть нечто поражающее, как *жизнь*, — чего никогда не встретишь у Вл. Соловьева. Тот рядом с Федоровым — просвещеннейший гид по «святым местам», никак не участник и разоблачитель творческих сил, еще не опознаваемых нашим дневным сознанием. Потому нелепое у Фед<орова> волнует больше самого раз-умного соловьевского. Если вам интересно — напишу подробнее об этих вещах. <...>

А. М. ГОРЬКИЙ — О. Д. ФОРШ

27 сентября 1926. Сорренто

Обрадован письмом Вашим, Ольга Дмитриевна, и буду очень благодарен, если вы найдете свободный час, чтоб поделиться со мною мыслями вашими о Федорове. Первый том статей его — ред-

кость, был он издан лет 20 тому назад в г. Верном. Третий готовится к изданию в Харбине почитателями Федорова; во главе их стоит некто Н. А. Сетницкий. Группа эта выпустила в свет под титулом «Смертобожничество» анонимную книжку в 80 страниц³; цель книжки — реформа православия в духе «активности». Ход мысли обнаруживает явное влияние Фед<орова> и, на мой взгляд, нечто языческое от В. В. Розанова. В критической части книжки немало интересного, но, к сожалению, «новая вера» закончена пятикратной анафемой инаковерующим. Звучит это так:

1 — всякий, кто ограничивает участие человека в деле Божием, — анафема да будет.

2 — всякий, склоняющийся пред смертью самой по себе и невидящий в ней никакого срама, — анафема.

3 — отвращающийся от труда и борьбы в деле преобразования плоти своей, — анафема.

4 — оправдывающий смерть и не противящийся ей;

5 — не стремящийся к действительной борьбе тоже проклят.

Это уж нечто от протопопа Аввакума и от *разумного* фанатизма, а посему неприемлемо для меня. А в общем, как признак неугасающей *сердечной* мысли, весьма интересно и гораздо ценнее малокровных размышлений князя Трубецкого о «евразийстве»⁴, размышлений, тоже позаимствованных у Федорова, о чем князь и соратники его — молчат. <...>

О. Д. ФОРШ — А. М. ГОРЬКОМУ

3 ноября 1926. Москва

<...> Спасибо Вам за сообщение о книжке последователей Федорова. Вместе с «анафемой» она как раз и была бы значительна, будь проставлены имена. Такое придумать — значит по своей линии дойти до конца, так что и дураком пред людьми быть не побояться. Без имен — вся затея нуль. В первом же случае, хоть общечеловечески дикая, но своеобразная обоснованность есть, и «анафема» — не проклятье вовсе, а лишь замыкание в круг однородных энергий плюс отчеркивание, мужицкое «отчуранье» от энергий, данному делу чуждых. А без имен (нет веры в «Слово» и не взята ответственность) — дилетантизм дурного тона. Но все-таки мне интересно бы все прочесть, чтобы хоть через «лицо в самоваре» (как толстовцы по от<ношению> к Толстому) «федоровцев» подсмотреть о Федорове.

Вам интересны мои мысли о Федорове? Но ведь я знаю только один его том. Вы же знаете, как видно, больше, и могу сказать Вам то, что думаю только на Вашу проверку, в свою очередь ожидая от Вас дополнения и поправки.

Я же, прочтя и один том Фед<орова>, прежде всего еще сильней убедилась в том, насколько в развитии своей внутренней жизни и сил мы еще юны и ошибочно склонны думать, что обладаем всеми своими дарами уже потому одному, что существуем. Так иной, имеющий глаза, уж и думает, что «видит» картину великого мастера, — и только после того, как, взяв в руки карандаш, перегадит немало бумаги, — поймет, какую уйму общего и специализации надо вместить, чтобы понять хоть бы то, что безобразная Даная Рембрандта — прекрасная из прекраснейших.

Но *правильное* развитие внутренней жизни — такая же наука, как и все прочие, с той только разницей, что в нее вступать надо *от избытка*, а не от скудности, — а не то выйдет в результате — истерика, сексуальная мистика и т. п. суррогаты «богатой» жизни духа.

И вот когда Федоров говорит: «только идя путем *науки духа*, может быть практически осуществлено воскрешение, которое будет делом не чуда, а *знания и общего труда*»⁵, — я чувствую радость и хочу думать, что это он о правильном и гармоническом высветлении человека. Таковыми очень редкие, но умные, добрые и богатые дарами люди становятся перед смертью (знала таким худ<ожника> П. П. Чистякова⁶).

Вот и думается: предваряющее «опыты воскрешения» — подлинное преображение людей начать всем не у гробовой доски, а много бы пораньше, с сохранением всей *волевой мощи*. Воля эта, раскованная от вожделиний своекорыстия, и сможет творить то, что считалось «чудом» — а на самом деле лишь выражение более тонких и совершенных законов, *нашей же* психики и власти ее над всяким хаосом, не приведенным в «чин порядка», над косностью, смертью, т. е. *вынутой волей* (к жизни). Словом, как я понимаю Федорова, — «вода живая», имеющая силу «воскресителя», — очищенная от всякого *самолюбия*: *воля человека*. Прекрасное начало, но вот вопросы смущающие:

1) Как к подобной очищенной воле человека прийти?

2) На какого рода «воскрешение» ее направить? Тут, думаю, произойдут крупнейшие разногласия, если учение Федорова когда-либо станет жизненным.

И еще вот: то ли В. В. Розанов* по этой линии подсунул в наше сознание немалую ложку дегтя, но у меня особая настороженность перед проповедью несвободных, ущербных людей, которые, живя на земле, по-земному себя ничуть не поместили. Невольно подозреваешь, что свое архиземное они зато протащили в область неподобающую, чем ее и замутили.

* Своей книгой «Дети Лунного Света».

Отчего от Федорова, как и от А. Н. Шмидт⁷, как-то тошнотно, будто нанюхаешься хлороформу? И пренеприятная эта его конкретность в «воскрешении» чуть ли не до печенки и селезенки? И кровность «предков» и многое еще.

Вот Вам впечатление мое от того небольшого, что знаю. Говорю, конечно, об общем духе, а не о мыслях. Те замечательны, порой гениальны и заслуживают, чтобы ими занялись люди разнообразнейших профессий.

Но легкости, радости, любви вокруг Фед<орова> нет, как это есть вокруг другого, тоже *преобразователя* жизни, обрученного Бедности, [1 нрзб.] и гуляки Бернадоне — Франциска. У Фед<орова> духота, принудительность, евнушество и будто одни «отцы» без матерей породили род людской. <...>

А. М. ГОРЬКИЙ — О. Д. ФОРШ

13 ноября 1926. Сорренто

<...> Все сказанное вами о «смертобожцах», на мой взгляд, неоспоримо правильно, правильно и указание, что от Федорова «тошнотно», как после хлороформа. И верно, что мыслитель он оригинальнейший, но мне ненавистен его взгляд на женщину, церковный взгляд, формулировал он этот взгляд так: культура — результат господства женщин «не тяжелого, но губительного». У меня по этому поводу другие мысли, кратко выражу их так: человечество обязательно возвратится к матриархату, мужчина доигрывает свою роль.

Сожалею, что не могу послать Вам харбинскую брошюру учеников Федорова, написал им, чтоб они послали. Брошюра эта есть у Данзас⁸. <...>

О. Д. ФОРШ — А. М. ГОРЬКОМУ

2 июня 1927. Париж

<...> Сын написал мне, что после моего отъезда пришла та брошюра из Харбина, которую вы для меня выписали. Очень благодарю вас. Идеи Федорова вижу в последн<их> работах наших русских рел<игиозных> философов, но попроще, победнее. <...>

